

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

ТОПОФИЛИЯ VS ТОПОФОБИЯ КАК КОГНИТИВНЫЕ ПАРАДИГМЫ ФРОНТИРНОГО ПРОСТРАНСТВА¹

Якушенко Сергей Николаевич, доктор исторических наук

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: shuilong@mail.ru

В статье обсуждаются дихотомия восприятия новых территорий, представляющая собой две порой взаимоисключающие когнитивные модели, определяемых автором через термины топофилии и топофобии. По мнению автора, эти две перцепции новых земель нашли свое отражение в двух других универсальных моделях социума: утопии и антиутопии. Освоение новых земель, особенно в новое время, очень часто и выражалось через эти две модели. Одна модель строилась на принципах восприятия нового пространства с точки зрения его символической связи с идеей рая, другая – напротив, исходила из враждебности неизвестных земель, их чужеродности цивилизации, что в конечном итоге приводило к стремлению заселить ее с помощью различных преступных элементов, тем самым освободив метрополию от нежелательных элементов. Фронтальные территории, будучи землями удаленными и необжитыми, очень часто и воспринимались в плоскости этих двух моделей. История США, Англии, Франции знает немало случаев восприятия фронтальных территорий или как нового рая, или особой «тюрьмы» для преступников. Освоение новых территорий во Франции порой происходило именно из-за стремления найти способ изолировать преступные элементы от основного французского общества, предоставив их самим себе на удаленных островах. Такова же была судьба и некоторых территорий в Австралии, которые заселялись преступниками, высланными из Великобритании.

Ключевые слова: топофилия, топофобия, пространственные модели, утопия, антиутопия, дистопия, какотопия, фронт, колонизация, колонии преступников

TOPOPHILIA VS TOPOPHOBIA AS COGNITIVE MODELS OF FRONTIER SPACE

Yakushenkov Sergey N., D.Sc. (History)

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: shuilong@mail.ru

The article discusses the dichotomy of the perception of the new territories, representing the two sometimes conflicting cognitive models, defined by the author through the terms of topophilia and topophobia. According to the author, these two models of perceptions of new lands are reflected in two other universal models of society: utopia and dystopia. Colonization of new lands, especially in modern times, very often was expressed through these two models. One model was based on the principles of perception of the new space from the point of view of its symbolic connection with the idea of Paradise, the other – on the contrary, was based on the idea of hostility of an unknown land, their opposition to the civilization, which ultimately led to the desire to populate it with various criminal elements, thereby freeing the metropolis of unwanted and dangerous persons. Frontier territory of being a remote land, was perceived very often from the points of view of these two models. The history of the USA, England, France knows many cases the perception of frontier territories or as a new Paradise, or special prisons for criminals. The colonization of new territories by France sometimes happened due to the desire to find a way to isolate criminal elements from mainstream French society, leaving them to themselves on remote Islands. This was the fate of some territories in Australia, which were settled by criminals deported from the UK.

Keywords: topophilia, topophobia, spatial models, utopia, dystopia, dystopia, cacotopia, frontier, colonization, convict colonies, penal colonies

*Do you come from a land down under?
Where women glow and men plunder?²
Men at Work «Down Under»*

Внося в заглавие термины «топофилия» и «топофобия», мы употребляем их в очень узком и весьма специфичном смысле. Нам, прежде всего, интересуют не общие проблемы восприятия пространства, но пространства особого, как правило, неисследованного, находящегося

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ15-33-11172а (ц) «Культурная безопасность в условиях гетеротопии».

² Припев из песни «Down Under» австралийской музыкальной группы Men at Work: Ты с земли с обратной стороны, где женщины всегда хотят, а мужчины грабители?». Под страной «Down Under» – страной, где все ходят на голове, понимается Австралия.

в удалении от основного пространства проживания определенного социума. В процессе освоения этого нового пространства формируются различные когнитивные модели, что в конечном итоге ведет к топофилии или топофобии новых территорий. Но абстрактная перцепция нового пространства (будь то топофильная, или топофобная) очень часто реализуются в практических моделях, трансформирующих это новое пространство. Конечно, следует помнить, что социум, позиционируя себя в пространстве, самоорганизуется определенным образом, что находит свое отражение в конкретных сферах хозяйственной деятельности, освоении пространства, создании определенной социальной модели и т.д. Таким образом, топос формирует определенную картину мира, которая затем может проецироваться на другие пространства, принимая или отвергая их. В конечном итоге в социальном плане все это приводит к двум основным моделям мироустройства: утопии или антиутопии (дистопии, какотопии, экс-утопии). И в этом смысле утопия (как и разные формы антиутопии) вместе с топофилией (и топофобией) превращаются не только в онтологическое понятие, но и гносиологическое, выступая неким инструментом нашего познания мира (нашего в-места-лица). Как пояснял американский неомарксист литературный критик Фредрик Джеймисон (Джеймсон), «мы обычно думаем об утопии как о месте, но если вы хотите о не-месте (nonplace), которое выглядит как место» [11, с. 21]. Утопия (а точнее сама эта идея особого места, которое может быть и не существует, но обязательно существовать), с точки зрения Джеймисона, легко превращается в метод постижения будущего: «Утопия-это не представление, но операция по расчету пределов нашего собственного воображения будущего, на линии, за которой мы не способны вообразить изменения в нашем собственном обществе и мире (за исключением в сторону антиутопии и катастрофы)» [11, с. 24]. Таким образом, утопия выступает в качестве «математической операции» (operation calculated the limits), что и позволяет представить ее в виде особого метода. Но в таком случае и антиутопия выступает в качестве такого же метода, так как позволяет «просчитать» (calculated operation) особенности развития определенного общества, создающего утопии и антиутопии, пусть даже в своем воображении. В наших же случаях, речь идет не только о воображаемых, но и реальных попытках конструирования особого модели общества, отличного от основного. Там, где наступает предел, не позволяющий создавать новое («улучшенное») общество в рамках уже существующего, возникает попытка выйти за этот предел (идеологический, политический, социальный, географический и т.д.). Новые территории и фронтальные земли предоставляют возможность начать с нуля, согласно определенному плану. Реализуемая утопия, пусть даже и превращающаяся в антиутопию, – это всего лишь попытка исправить существующее общество, пусть даже и в рамках локального проекта, в то время как в рамках национальных масштабов это не возможно.

Таким образом, и утопия, и антиутопия – это всего лишь две стороны одного топологического метода анализа развития идей того или иного социума, позволяющего оценить (calculate), а точнее рассчитать пределы (limits) изучаемого социума.

Но хотелось бы обратить внимание, что в заглавие нашей статьи мы использовали иные термины: топофилия и топофобия, а не утопия или антиутопия. И дело не в том, что мы в некотором роде предполагаем определенную связь этих терминов, и порой считаем возможной их взаимозаменяемость. Мы понимаем, что термин топофилия намного шире, чем утопия, а топофобия – шире, чем антиутопия. Мы полагаем, что любая утопия топофильна, но не каждая топофилия сводится к утопии. Термины, определяемые через -филию и -фобию, потребовались нам чтобы указать на еще очень важный аспект восприятия пространства в целом, восходящий к архаичным моделям перцепции нового топоса. Но модели эти будут основываться на общеизвестной теологической дихотомии рая / ада, т.е. перцепция новой территории будет сводиться к восприятию нового необжитого пространства как остатка рая, или дикая природа, противостоящая человеку – ад на Земле.

Основная часть: Мы наш, мы новый мир построим! В 1980 г. австралийская группа Men at Work (Мужчины за работой) написала странную песню, которая неожиданно вдруг стала неофициальным гимном Австралии. В ней не воспевалось величие страны, не было и живописной патетики по поводу национального колорита. Напротив, слова песни были более чем фривольные: сексуально озабоченные женщины и вороватые мужчины, пиво рекой и блюющие завсегдагаи баров. Под стать был и клип этой группы, который как бы иллюстрировал слова этой песни. Но как ни странно, песня неожиданно имела успех не только в Австралии, но и в других странах. Ее исполняли на закрытии Олимпийский игр в Сиднее в 2000 г., а Австралийская ассоциация творческих работников (APRA) назвала ее в числе самых лучших национальных песен за 75 летний срок (1926–2001), поместив ее на четвертое место. Но почему австралийцам приглянулась именно эта песня, а, например, ни нечто аналогичное «Широка страна моя родная, / Много в ней лесов, полей и рек! / Я другой такой страны не знаю, / Где

так вольно дышит человек» [2, с. 5]? Может быть правы те, что до сих пор воспринимает Австралию и австралийцев как нечто дикое, необузданное. И «темное криминальное прошлое» все еще тянется за этой страной и ее восприятием в мире?

Позволим себе напомнить, что ряд английских колоний на этом континенте основывались как пенитенциарные поселения для преступников. Таковыми были несколько колоний, расположенных на территории Нового Южного Уэльса. Самая первая колония для преступников была основана в Ботаническом заливе в 1788 г.. Правда, очень скоро она была перенесена в район Сиднейской бухты. И процесс активного пополнения колонистов за счет заключенных прекратился лишь во второй половине XIX в. Но мало кто знает, что превращение Австралии в колонию для преступников было инспирировано борьбой американских колоний за свою независимость. Потеря колоний в Северной Америке подтолкнула англичан к поиску новых территорий, куда они могли бы сослать своих преступников и неблагонадежных граждан. Такими территориями и стал ряд мест в Австралии, чей статус был подкреплён специальным парламентским актом от 1784 г. С 1788 по 1868 г. в Австралию были вывезено 139161 человек, признанных английским судом преступниками.

По стечению обстоятельств, в качестве места для первой колонии осужденных был выбран залив Ботаники (Botany Bay) – живописное место, получившее свое название из-за обилия различных растений, собранных ботаниками экспедиции капитана Кука англичанином бароном Джозефом Банксом и шведом Даниэлем Соландером [6, с. 210]. Куку очень приглянулось это место, где его экспедиция провела несколько дней, о чем он оставил подробное описание [6, с. 203–212]. Видимо эта оценка Кука залива Ботаники и послужила основным мотивом в выборе данного места в качестве базы для колонии заключенных.

Удивительное совпадение: райское место было выбрано для изоляции от английского общества отъявленных бандитов. Конечно, не все заключенные были отъявленными мерзавцами, некоторые оказывались в подобных местах за долги, но все же порой степень жестокости и асоциальности некоторых заключенных была очень высока. В новых для них условиях относительной свободы они быстро «превращались в демонов» [13, с. 459], способных деморализовать любую колонию. Что в конечном итоге и произошло. По специальному отчету, представленному в Лондоне в 1838 г. в Палате общин, ситуация в Новом Южном Уэльсе была катастрофической. Хотя преступники составляли всего лишь половину от общего числа жителей этой колонии, число разбоев росло катастрофически, и в конечном итоге превысило число разбоев в Великобритании. И вообще уровень преступности в Сиднее превышал во много раз подобный уровень в других британских колониях [13, с. 460]. Однако потребность в рабочей силе в новых колониях была велика, и, несмотря на протесты со стороны австралийской администрации и свободной части местного населения, транспортировка преступников в австралийские колонии продолжалась. Комиссия 1856 г., в сущности, отметила те же самые проблемы в австралийских колониях, замечая, что уровень преступности не шел ни в какое сравнение с другими частями британской империи. Говорилось и о том, что сами австралийцы категорично возражали против привоза на новый континент новой группы заключенных [7, с. 2–5].

Но не хотелось, чтобы кто-нибудь подумал, что мы затеяли этот разговор только для описания австралийской истории. Вовсе нет! До Австралии пенитенциарные колонии создавались Британией в самых различных местах: различные колонии в Северной Америке, Виргинские острова, Гибралтар, были даже проекты по Фолклендским островам и пенитенциарной колонии в Гудзоновском заливе [10, с. 7–15], но они не получили должного развития.

Свои пенитенциарные колонии были и у Франции. Они располагались главным образом в Новой Каледонии и во Французской Гвиане. Правда, пенитенциарная система колоний сложилась во Франции гораздо позже английской, но и просуществовала до середины XX в. Активизировать создание своих колоний для заключенных в отдаленных местах земного шара Франция начала в 50-х г. XIX в.. Правда, высылка политических преступников в отдаленные места существовала во Франции и в предыдущий период. Уголовных же преступников до 1748 г. ссылали гребцами на галеры, что было равносильно смертному приговору. После реформы, 1748 г., упразднившей галерный флот, заключенных держали на этих же самых галерах, стоящих на якоре недалеко от берега – блокушивах. Основными местами для подобных плавучих тюрем были определены Тулон, Брест и Рошфор.

Позднее часть политических заключенных стали высылать в Луизиану, где их просто предоставляли самим себе. Но вскоре Франция уступила Луизиану Испании, а та продала ее США. Вместе с тем необходимость решения проблемы с преступностью становилась все сильнее. С середины 20-х по конец 30-х гг. XIX в. преступность выросла почти на 40 %, и старая пенитенциарная система не справлялась с наплывом преступников [14, с. 2]. Во Франции все чаще стали обсуждать возможность высылки преступников в отдаленные места по примеру

англичан. В качестве подобных мест назывались Алжир, Мадагаскар, Сенегал и даже Кергеленские острова недалеко от Антарктики. Но после революции 1848 г. из-за необходимости срочно решать вопрос с заключенными выбор пал на Алжир.

Присоединение к своим владениям Новой Каледонии также преследовало цель превращение этой новой территории в место высылки преступников. Как писал один из английских путешественников, посетивший Новую Каледонию, «в сентябре 1863 г. Наполеон Мелкий¹ подписал декрет о превращении девственного рая Новой Каледонии в ад порока и нищеты» [9, с. 160]. Одна из колоний на Новой Каледонии даже была названа Аркадией, намекая на райский сад и особую гармонию, которая должна была бы царить в данном месте [9, с. 160–180].

Вообще название Аркадия было любимым для наименования многих удаленных колоний. Достаточно вспомнить хотя бы итальянского мореплавателя Джованни да Верраццано, давшего название Аркадия огромной территории атлантического побережья Северной Америки к северу от Вирджинии. Позднее французский путешественник Самюэль де Шамплен использовал это название для колонии Новой Франции на территории современного штата Мэн, Канадских приморских провинций и Квебека. Правда, при использовании этого топонима был опущен звук «р», что превратило его в Акадию. Французы владели Акадом с 1605 по 1710, когда британцы захватили Акадию, и выселили ее жителей в различные места.

Попытки создать новую утопию или обнаружить рай на Земле были и остаются довольно-таки распространенным явлением, начиная с эпохи Великих географических открытий. Мы уже неоднократно указывали на это в связи с восприятием фронтальных территорий [3, с. 9–11; 4, с. 294–295]. Некоторые проекты были не только утопичны, но даже очень практичны, и нашли свою реализацию в создании действительно «нового общества». Примером могут служить иезуитские миссии (редукции), созданные в различных местах Латинской Америки. И хотя позднее этот миссионерский опыт иезуитов подвергся критике, а сами они в конечном итоге были изгнаны в 1758 г. из своих владений. За время своего существования иезуиты смогли реализовать множество своих задумок, построив среди местных народов (главным образом, гуарани) почти идеальное общество, обучая индейцев музыке, живописи, архитектуре [8, с. 5]. Более того, им удалось защитить местные племена от набегов белых колонистов – охотников за рабами и просто мародёров, вооружив индейцев и создав отряды самообороны, которые также следили за порядком в колонии. В 1628 г. во время рейдов охотников за рабами были опустошены огромные территории, пострадали 9 миссий из 11. Было убито или угнано в рабство более 80000 индейцев. Но, когда миссионеры получили разрешение выдать индейцам оружие, рейды за рабами прекратились [12, с. 73]. Кроме того, согласно законам иезуитов, белым поселенцам не разрешалось жить на территории миссий, что в целом защищало индейцев от пагубного влияния со стороны белых колонистов [5, с. 154]. Но, когда влияние иезуитов в регионе стало угрожать, испанской и португальской коронам, их принудили убраться из миссий, оставив после себя заброшенные поля и сады, великолепные храмы и здания миссий – все, что в прошлом и составляло величие этих редукций.

Но иезуитские эксперименты были скорее исключением (хотя и не единичным), чем правилом. Как правило, утопические идеи так и оставались лишь идеями, а практическая жизнь превращала их в нечто совершенно противоположное. Дикая природа и неприспособленность к новым условиям изнутри разрушали мечту об идеальном обществе. Типичными примерами подобной утопии, превратившейся в дистопию, или точнее экс-утопию может служить множество утопических общин на Американском континенте: Онеида, Фрутлэнд, Соинтула и многие другие. Собственно, не следует забывать, что многие английские колонии в США возникали как утопические религиозные поселения, а сами колонисты отправлялись в новые земли в стремлении обрести там рай на земле. Ну и параллельно с этим колонистами-идеалистами в Новый Свет отправляли тысячи преступников, от которых английское общество стремилось избавиться. В одном случае, часть населения рассматривало новые земли как некий аналог рая, земли обетованной, уникальную возможность выйти из состояния разорванности с природой (природой как изначальным актом божественного творения), в другом, новый земли – это всего лишь новая форма их бывшей тюрьмы, в которой они оказываются под давлением общества. Эта дихотомия общества, как писал А.И. Герцен «В письмах об изучении природы», есть «неминуемое, мучительное последствие логического эгоизма». «Распадение человека с природой, как вбиваемый клин, разрывает мало-помалу все на противоположные части, даже самую душу человека – это *divide et impera* логики – путь к истинному и вечному сочетанию раздвоенного» [1, с. 134].

¹ Наполеон Малый – *Napoléon le Petit* – прозвище, данное Наполеону III Виктором Гюго.

Таким образом, можно заметить странную дихотомию восприятия удаленных мест. С одной стороны эти территории превращаются в места для ссылки заключенных и деклассированных элементов, но с другой стороны, они воспринимаются как райские места, идиллии, с нетронутой природой, с дикарями, неиспорченными цивилизацией, и пасторальными сценами. В восприятии новых земель западный мир постоянно находится посередине между образами утопии и антиутопии. Одних выслают туда под конвоем, превращая места их пребывания в самый настоящий ад, а другие сами отправляются туда, чтобы создать там рай.

Конечно, не все фронтальные колонии можно было бы типологизировать сквозь призму этих двух когнитивных моделей – топофильной или топофобной. Множество утопических колоний в США, и прежде всего в XIX в. возникали на волне утопического социализма, но сами попытки создать их на необжитых территориях говорят о том, что члены этих общин все же выражали идею топофильности. Об этом может свидетельствовать и тот факт, что во многих подобных колониях практиковали вегетарианство, стремились к единению с природой, отказывались от применения техники и т.д. Правда, нередко все эти попытки жить в гармонии с природой оканчивались полнейшей неудачей, так как колонисты слабо представляли себе все реалии этой жизни в «гармонии с природой». Но можно обнаружить и множество других примеров, когда, в общем-то, утопичная идея принимала самые реальные очертания, а колонистам удавалось создать общество, которое могло бы служить примером благополучного развития.

Идеи топофильности XIX в., основанные на религиозных или социалистических утопиях, плавно перекочевали в XX в., трансформируясь в новые энвайронменталистские сообщества, основанные на экофильных идеях. И в конечном итоге расширили свои формы до уровня урбанистических топофильных и экофильных моделей. Но и новый урбанизм нередко был связан с идеями новых территорий, т.е. новой урбанистической среды, созданной на новом пространстве.

Список литературы

1. Герцен А. И. Собрание сочинений в тридцати томах / А. И. Герцен. – М. : Издание академии наук СССР, 1954. – Т. 3.
2. Лебедев-Кумач В. Стихи и песни / В. Лебедев-Кумач. – М. : Военно-морское издательство, 1951.
3. Якушенков С. Н. Изобилие ресурсов как одна из черт фронтальных территорий / С. Н. Якушенков, О. С. Якушенкова // Человек, Сообщество, Управление. – 2013. – № 2. – С. 9–11.
4. Якушенков С.Н. Фронтир как культурная парадигма / С. Н. Якушенков // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2015. – № 1. – С. 294–295.
5. Clarke P., Claydon T. *God's Bounty? The Churches and the Natural World* / P. Clarke, T. Claydon. – N.-Y. : Boydell & Brewer Ltd, 2010.
6. Cook J. *The Voyages of Captain James Cook round the World* / J. Cook. – London, 1842.
7. *First Report from the Select Committee on Transportation; together with Minutes of Evidence, and Appendix, ordered, by the House of Commons, to be printed on 27 May, 1856.* – London, 1856.
8. Gott R. *The land without Evil: Utopian Journeys Across South American Watershed* / R. Gott. – N.-Y. : Verso, 1993.
9. Griffith G. *In an Unknown Prison Land. An Account of Convicts and Colonists in New Caledonia with Jottings out and Home* / G. Griffith. – London : Hutchinson and Co., 1901.
10. Isbister A.K. *A Proposal for a New Penal Settlement, in Connection with the Colonization of the Uninhabited Districts of British North America* / A. K. Isbister. – London, 1850.
11. Jameson F. *Utopia as Method, or the Uses of the Future* / F. Jameson // *Utopia / Dystopia: Conditions of Historical Possibilities*; eds. Gordin M., Tilley H., Prakash G. – Princeton : Princeton University Press, 2010.
12. O'Malley J.W. *The Jesuits: A History from Ignatius to the Present* / J. W. O'Malley. – Lanham : Rowman & Littlefield Publishing Group, 2014.
13. Stille Ch. J. *American Colonies as Penal Settlements* / Ch. J. Stille // *The Pennsylvania Magazine of History and Biography.* – 1889, Vol. 12. – № 4. – Pp. 457–464.
14. Toth S. A. *Beyond Papillon: the French Overseas Penal Colonies, 1854–1952* / S. A. Toth. – Lincoln : University of Nebraska Press, 2006.

References

1. Gercen A.I. *Sobranie sochinenij v tridcati tomah.* M.: Izdanie akademii nauk SSSR, 1954, vol. 3.
2. Lebedev-Kumach V. *Stihi i pesni.* M.: Voenno-morskoe izdatel'stvo, 1951.
3. Jakushenkov S.N., Jakushenkova O.S. *Izobilie resursov kak odna iz chert frontirnyh territorij. Chelovek, Soobshhestvo, Upravlenie.* 2013, no. 2, pp. 9–11.
4. Jakushenkov S.N. *Frontir kak kul'turnaja paradigma. Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura.* 2015, no. 1, pp. 294–295.
5. Clarke P., Claydon T. *God's Bounty? The Churches and the Natural World.* N.-Y.: Boydell & Brewer Ltd, 2010.
6. Cook J. *The Voyages of Captain James Cook round the World.* London, 1842.
7. *First Report from the Select Committee on Transportation; together with Minutes of Evidence, and Appendix, ordered, by the House of Commons, to be printed on 27 May, 1856.* London, 1856.
8. Gott R. *The land without Evil: Utopian Journeys Across South American Watershed.* N.-Y.: Verso, 1993.

9. Griffith G. *In an Unknown Prison Land. An Account of Convicts and Colonists in New Caledonia with Jottings out and Home*. London: Hutchinson and Co., 1901.
10. Isbister A.K. *A Proposal for a New Penal Settlement, in Connection with the Colonization of the Uninhabited Districts of British North America*. London, 1850.
11. Jameson F. *Utopia as Method, or the Uses of the Future. Utopia/Dystopia: Conditions of Historical Possibilities*. eds. Gordin M., Tilley H., Prakash G. Princeton: Princeton University Press, 2010
12. O'Malley J.W. *The Jesuits: A History from Ignatius to the Present*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishing Group, 2014.
13. Stille Ch. J. American Colonies as Penal Settlements. *The Pennsylvania Magazine of History and Biography*. 1889, Vol. 12, no. 4, Pp. 457–464.
14. Toth S.A. *Beyond Papillon: the French Overseas Penal Colonies, 1854–1952*. Lincoln: University of Nebraska Press, 2006.

СПЕЦИФИКА МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ НА ФРОНТИРНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ¹

Романова Анна Петровна, доктор философских наук, профессор

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: aromanova_mail@mail.ru

Целью данной статьи является построение новой типологии межкультурных коммуникаций осуществляемых на фронтальных территориях. Межкультурные отношения на фронтире, представляющем собой территорию подвижной границы, отличаются особой спецификой и сложностью, поскольку сам фронтир представляет собой гетеротопное пространство. Общепринятой типологии таких отношений, которая была бы применима для любого фронтира (американского, сибирского, азиатского и т.д.) не существует. Методологией данного исследования является, прежде всего, сама гетеротопная теория. Рассматривая фронтир как гетеротопное пространство межкультурных коммуникаций, мы можем выявить их разнообразие и сравнить с коммуникациями, протекающими на других территориях. Для подтверждения нашей типологии мы используем материалы нарративных источников, описывающих жизнь и межкультурные коммуникации на фронтальных территориях, преимущественно в диахронном аспекте. Наиболее показательными для российского дискурса с нашей точки зрения являются нарративные источники, связанные с Кавказским фронтиром. В статье предлагается авторский вариант типологии межкультурных коммуникаций на фронтальных территориях. Мы выделяем интегративный, сепарационный и конфронтационный типы межкультурных контактов, которые подтверждаются ссылками на нарративные источники. В статье обращается внимание и на трансгрессивные процессы, происходящие на фронтире и влияющие на межкультурные коммуникации.

Ключевые слова: фронтир, гетеротопия, трансгрессия, межкультурные коммуникации, Кавказ

SPECIFIC CHARACTER OF INTERCULTURAL COMMUNICATIONS WITHIN FRONTIER TERRITORIES

Romanova Anna P., D.Sc. (Philosophy), Professor

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: aromanova_mail@mail.ru

The article is aimed at development of a new typology of intercultural communications, carried out in the frontier territories. Cross-cultural relations in the frontier that is the territory of flexible boundaries are characterized by specific nature and complexity as the frontier itself is a heterotopic space. There is no common typology of such relations that would be applicable for any frontier (American, Siberian, Asian, etc.). The methodology of this research is represented first of all by heterotopic theory itself. Considering the frontier as the heterotopic space of intercultural communications, we can reveal all the variety of intercultural communications, to compare them with communications within other territories. To confirm our typology we use the materials of narrative sources, which describe the life and intercultural communications within frontier territories, mainly in diachronic aspect. From our point of view, the narrative sources, linked with the Caucasus frontier, are the most illustrative for the Russian discourse. In the article there is given the author's variant of typology of cross-cultural communications in the frontier territories. There are integrative, separational and confrontational types of intercultural contacts that are confirmed by the narrative sources. The article also points out transgressive processes, going on in the frontier during intercultural communications.

Keywords: frontier, heterotopy, transgression, intercultural communications, Caucasus

В последнее время в теоретической и прикладной науке возрастает интерес к исследованиям в области межкультурных коммуникаций. Процессы глобализации, увеличение диапазо-

¹Работа выполнена при РГНФ 14-03-00414 Межкультурная коммуникация в условиях гетеротопии фронтира».